

МЕСТНЫЙ АППАРАТ ДЕТСКОЙ КОМИССИИ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ В 1920-е ГОДЫ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В. А. Менжулин

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 7 октября 2022 г.

Аннотация: вниманию читателей предлагается оригинальный сюжет из истории создания и функционирования в 1920-е гг. Воронежской детской комиссии по улучшению жизни детей. Показана острая необходимость преобразования института уполномоченных Детской комиссии при ВЦИК на местах в полноценный аппарат региональных комиссий. Освещена роль Воронежской детской комиссии в руководстве уездными комиссиями, а также особенности взаимоотношений с Центром. Выявлены все известные источники формирования бюджета комиссии, средства которого направлялись на преодоление беспризорности и укрепление материально-технической базы детских учреждений.

Ключевые слова: беспризорность, Детская комиссия, Воронежская губерния, голод, детские учреждения.

Abstract: the attention of readers is offered an original plot from the history of creation and functioning in the 1920s. Voronezh Children's Commission to improve the lives of children. The urgent need to transform the institution of delegates of the Children's Commission under the All-Russian Central Executive Committee in the field into a full-fledged apparatus of regional commissions is shown. The role of the Voronezh Children's Commission in the management of district commissions, as well as the peculiarities of relations with the Center, are highlighted. All known sources of formation of the budget of the commission were identified, the funds of which were directed to overcome homelessness and strengthen the material and technical base of children's institutions.

Key words: homelessness, Children's Commission, Voronezh province, hunger, children's institutions.

История борьбы с беспризорностью в Воронежской губернии в 1920–1930-е гг. представляет собой широкое поле для научно-исследовательской деятельности, поскольку на протяжении длительного периода времени в силу разных причин она оказывалась вне поля зрения специалистов.

Проблемы беспризорности и порожденной ею детской преступности, обнажившиеся в Советской России в начале 1920-х гг., всерьез встревожили высших руководителей страны. Об этих социальных болезнях заговорили открыто. Близившаяся к окончанию Гражданская война, в ходе которой большевикам удалось отстоять власть и государственный суверенитет, позволили им, наконец, переключить свое внимание на проблему охраны детства. Как гласил один из официальных документов того времени, «нужно вопрос поставить ребром и бросить на него все, что есть, чтобы спасти подрастающее поколение от вымирания. Еще раз подчеркивается, что речь идет не о каких-либо “улучшениях”, представлении особых благ, а о спасении» [1, с. 39].

Созданный впопыхах Гражданской войны особый чрезвычайный орган – Совет защиты детей (февраль

1919 г.) – не смог справиться с поставленными задачами. За два года своего существования он растерял данные ему широкие права и полномочия, превратившись «из органа междудементов, направляющего и толкающего работу ведомств, в просто придаток Наркомпроса, толкающийся сам в различных ведомствах» [там же, с. 37].

Несмотря на негативный опыт, государство тем не менее не отступило от своих принципов. Более того, кампания по ликвидации беспризорности с самого начала приобрела политическую окраску. «Забота о жизни и здоровье детей как обязательстве государства впервые была признана советской властью», вырвавшей ее «из рук частной благотворительности, филантропии» [там же, с. 36].

В 1921 г. при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению жизни детей (далее – ДТК) под председательством Ф. Э. Дзержинского. Целью комиссии являлось общее руководство делом борьбы с беспризорностью, а также оказание помощи детям, в первую очередь беспризорным. На местах создавался институт губернских и уездных уполномоченных ВЦИК по улучшению жизни детей.

Полноценный региональный аппарат ДТК первоначально создавать не планировалось. Предполагалось, что в своей работе комиссия будет опираться на

исполкомы и местные органы Наркомата просвещения, а контролировать и координировать эту деятельность будут специальные уполномоченные ДТК [2, с. 63], назначаемые по одному на губернию и уезд их исполкомами. Однако вскоре в разных уголках страны, по аналогии со столицей, стали создаваться местные ДТК по улучшению жизни детей.

Первым уполномоченным ДТК ВЦИК в Воронежской губернии стал 33-летний заведующий губернским отделом народного образования И. И. Пискарев¹. В конце февраля 1921 г. его назначил на эту должность Президиум губисполкома. И. И. Пискарев состоял в партии с 1906 г., в дореволюционный период работал под псевдонимом в Новгородской, Псковской, Тверской губерниях, а также Петрограде [3, л. 54 об. – 55]. «Работа по улучшению жизни детей в губернии началась с первых чисел марта» [там же, л. 32], – напишет он в своем первом докладе в Москву. Однако его пребывание губуполномоченным окажется непродолжительным – четыре месяца спустя, 1 июля, И. И. Пискарева на этой должности сменит председатель губернской ЧК Д. Я. Кандыбин. Острота и масштабность проблемы требовали чрезвычайных мер.

Воронежская ДТК была организована в 1921 г. при исполнительном комитете рабочих и крестьянских депутатов (губисполкоме). В июне 1921 г., понимая, что в одиночку губуполномоченному не справиться, на постоянной основе при нем была организована комиссия-семерка в составе представителей ГубОНО, Губздрава, Губпродкома, Губчека, губотдела РКИ, Губпрофсовета, ГубСКУ. Именно эта «семерка» и дала основание в последующем считать ее Воронежской губернской детской комиссией по улучшению жизни детей. По крайней мере, подводя в 1936 г. итоги своей 15-летней деятельности, руководство комиссии утверждало об открытии действий именно в 1921 г.

Будучи репликой центральной ДТК в регионе, комиссия являлась межведомственным органом, призванным к согласованию и объединению деятельности отдельных ведомств и организаций, ведущих работу по борьбе с детской беспризорностью. Должность председателя ГубДТК на первых порах занимал губернский уполномоченный ВЦИК по улучшению жизни детей. В Воронежской губернии ими являлись (в соответствии с общегосударственной тенденцией) представители чекистского аппарата – сначала председатель Губчека Дмитрий Яковлевич Кандыбин (1921–1923), затем начальник отдела ОГПУ Иван Андреевич Шевелёв (1924–1925). В дальнейшем деятельностью ГубДТК руководил секретарь исполкома или другой представитель этого органа власти.

¹ В архивных документах встречается также иное написание фамилии: Пескарёв.

Таким образом, мы видим постепенную, но вместе с тем весьма быструю трансформацию института губернских уполномоченных ДТК ВЦИК в аппарат местных ДТК.

К концу 1923 г. деятельность Воронежской ГубДТК «в силу ряда причин замерла; не было даже губуполномоченного, так как бывший им тов. Кандыбин выбыл из Воронежа в связи с переводом по службе, новый же еще не был назначен губисполкомом» [4, л. 78]. 11 марта 1924 г. губисполком утвердил новую «семерку» под председательством И. А. Шевелёва, после чего деятельность комиссии возобновляется. Одновременно происходят преобразования в ее структуре и расширение штата. В частности, создается рабочее бюро ДТК, в состав которого вошли инспектор-инструктор (новая должность) и два представителя от административного и финансового отделов губисполкома. Им предстояло заняться подготовительной и организационной работой. Особого технического аппарата в распоряжении ДТК по-прежнему не было, за исключением секретаря, работавшего, по словам И. А. Шевелёва, «в порядке совместительства (основная служба по ГубОНО). Для печатания на машинке, рассылки корреспонденции и прочего ГубДТК пользуется аппаратами ГубОНО и Губотдела ОГПУ» [там же].

Местные ДТК ежегодно отчитывались о своей деятельности перед ДТК при ВЦИК. По этим сохранившимся отчетам у современного исследователя есть возможность узнать точную численность и состав комиссии. К примеру, по данным на 1 июня 1925 г. в состав ГубДТК входили уже 12 человек, представлявшие разные органы власти и общественные организации: отделы образования, здравоохранения, социального обеспечения, Красного Креста, ОГПУ и т. д. Президиума у комиссии не было, все текущие вопросы решались на ее пленарных заседаниях. Президиум в структуре ГубДТК появился к 1927 г.

В уездах Воронежской губернии были организованы уездные деткомиссии (далее – УДТК), являвшиеся органами ГубДТК на местах. Их состав был аналогичен составу ГубДТК. В целях установления постоянной связи с губернским центром и развития плановой деятельности уездных комиссий ГубДТК руководила их работой: направляла в уезды циркулярные распоряжения и указания с приложением разработанных схем для построения производственного плана работы, ведения и представления периодических отчетов, а также осуществляла инспекторские выезды на места. Время от времени проводились губернские съезды уездных уполномоченных УДТК.

С центром ГубДТК поддерживала связь посредством получения руководящих указаний, периодического предоставления отчетности и выездов инструк-

тора-инспектора. Например, инструктор-инспектор П. Г. Новиков в 1925 г. выезжал в столицу дважды: в связи с проведением флажной кампании и обсуждением гражданского иска в московском губернском суде к московскому издательству «Торгсвос» за нарушение им договора о поставке флагов, а также в связи с реализацией изданий ДТК ВЦИК [5, л. 4 об.].

По предварительным данным, общее количество беспризорных в Воронежской губернии в 1921 г. составляло около 35 тыс. человек. Из них от 21 691 до 24 096 (сведения разнятся) находились на полном иждивении государства в 208 детских учреждениях закрытого типа (детдома, приемники, распределители), а 10 тыс. ожидали приема в них [3, л. 30, 89].

Первые несколько лет функционирования ДТК и ее местный аппарат посвятили продовольственному обеспечению детей, чтобы не допустить вымирания целого поколения (или даже поколений) граждан своей страны. Остальные направления деятельности временно отошли на второй план. «Вопрос питания является одним из коренных вопросов, удовлетворительное разрешение которого явилось бы громадным успехом, но с другой стороны при общих наших продовольственных затруднениях он является в то же время и наиболее трудноразрешимым» [1, с. 39], – отмечал в апреле 1921 г. зампредела ДТК при ВЦИК. Под словосочетанием «продовольственные затруднения» чиновник завуалировал голод, охвативший многие регионы Советской России. Даже сельскохозяйственная Воронежская губерния с преобладающим крестьянским населением не могла себя прокормить, что было вызвано не только разрушительными военными действиями, но и проводившейся политикой военного коммунизма. «Продовольственный кризис в губернии усиливается. Населению прекратили выдавать паек, за исключением воинских частей, больниц и детских домов» [6, с. 462], – сообщалось в информационной сводке местного подразделения ОГПУ за 1 июля 1921 г. В дальнейшем страдавшее из-за недостатка продовольствия население стало испытывать на себе последствия многочисленных болезней (тиф, холера), а также умирать от голода. В январе 1922 г. в Богучарском уезде на почве голода имел место случай людоедства [там же, с. 567].

Для многих взрослых людей детский дом в начале 1920-х гг. виделся оазисом спасения подрастающего поколения. Оказавшись здесь, дети получали возможность выжить, а благодаря питанию – умереть от голода. Недаром в воронежский детский дом-распределитель имени Ф. Энгельса дети попадали на основании заявлений, просьб как со стороны домового комитета бедноты, так и со стороны родственников ребенка. Встречались и заявления от родителей, которые, по их собственным словам, «не

могли спокойно смотреть, как голодной смертью умирали их дети» [7, л. 59].

В реалиях военного времени и экономического кризиса у государства не оказалось средств для осуществления на практике декларируемых ими постулатов, в силу чего довольно скоро обязанности по содержанию многочисленной армии беспризорников были переложены на плечи местных властей, от которых зависело благополучие, а зачастую и сама жизнь подрастающего поколения. Осознавая это, руководство ДТК при ВЦИК призывало активнее проявлять «местную инициативу», так как «возлагать много надежд на центр нельзя» [2, с. 75]. Однако в регионах не спешили откликаться на подобную инициативу. К примеру, доклады уполномоченных Воронежской губернии на протяжении всего 1921 г. пестрят сообщениями о том, что «отделы исполкомов, партийные и профсоюзные организации еще слабо поняли всю важность работы по улучшению жизни детей и поэтому почти совершенно не принимают в ней никакого участия» [3, л. 88, 169].

В Острогожском уезде Воронежской губернии в работе местных властей также не было единства. В то время как местные продкомы проявляли «безразличное отношение к детям», уездный исполнительный комитет, деткомиссия и губчека, напротив, развернули активную работу по спасению детей. Осенью 1921 г. в уезде был проведен «двухнедельник помощи детям» с целью «встряхнуть все органы», «приказать им пойти действительно навстречу детям» [там же, л. 169]. В результате двухнедельника все детские дома были снабжены топливом на 5 месяцев и керосином на 7 месяцев. За это время были отремонтированы все школы уезда; было открыто 5 новых детских домов; детские учреждения были обеспечены почти всем необходимым минимумом, кроме теплой одежды. Вместе с тем, понимая, что двухнедельник – не более чем временная мера, которая не решит всех проблем, а на государство рассчитывать бессмысленно, Острогожская уездная комиссия приступила к эксплуатации находящихся в уезде меловых богатств, чтобы на полученные средства содержать детей [там же, л. 182].

На протяжении 1920-х гг. по губернии отмечалась устойчивая тенденция дальнейшего сокращения сети детских домов: в 1923–1924 гг. их насчитывалось 131, приют в котором нашли 7728 воспитанников, в 1924–1925 гг. – 104 (7271 воспитанник), 1926–1927 гг. – 68 (4993 воспитанника). Таким образом, к 1927 г. количество детских учреждений по отношению к 1921–1922 гг. сократилось на 81 % [8, л. 7].

Несмотря на внушительное сокращение численности детских учреждений, а также значительную часть местного бюджета, приходившуюся на долю народного образования, выделяемых средств не хва-

тало на удовлетворение даже минимума детских нужд. Отсутствие в должном объеме финансирования парализовало деятельность детских учреждений по укреплению их материальной базы. Существование на грани выживания вкупе со смешанным контингентом (по возрасту, состоянию здоровья, уровню морали) и применявшимся в отношении к детдомовцам насилию приводило к многочисленным побегам и, как следствие, рецидиву беспризорности. Очевидно, что это никоим образом не способствовало ее искоренению в нашем регионе.

По этой причине основное внимание ГубДТК, начиная с 1924 г., было сосредоточено на изыскании средств, необходимых для борьбы с беспризорностью и помощи нуждающимся детям. Расход этих средств поручался губернским и уездным органам народного образования и здравоохранения, а на местах – райисполкомам и сельсоветам, как непосредственно ведущим основную практическую работу по борьбе с детской беспризорностью.

Во имя благой цели оказания помощи детям приходилось залезать в карманы советских обывателей и принуждать их к пожертвованиям. Благодаря этому удалось найти путь к созданию материальной базы для улучшения жизни детей. Речь идет о регулярно проводимых в 1920-е гг. недельниках, двухнедельниках и месячниках помощи нуждающимся детям, оказавшихся весьма действенным способом пополнения бюджета ДТК. Они имели разные названия: «Неделя больного и беспризорного ребенка», «Месячник борьбы с детской беспризорностью» и др., – но помимо сроков проведения (на что указывало их наименование), по сути, друг от друга ничем не отличались.

Помимо чисто финансовых соображений месячники имели большое практическое значение. Их проведение сопровождалось работами по учету беспризорного элемента, изъятию его с улиц, проверке состояния детских учреждений, контролю над патронатными семьями, а также просвещению рабоче-крестьянских масс в вопросах охраны детства – от организуемых в детдома экскурсий до разъяснительной работы о предоставляемой матерям-одиночкам социальной помощи (дабы искоренить наличие детей-подкидышей) и о существенной роли в предупреждении беспризорности летних сельских яслей и площадок. Таким образом, месячники представляли собой практическую модель совместной деятельности власти и общественности, направленную на искоренение беспризорности и безнадзорности.

В условиях НЭПа едва ли не главным критерием успешности ДТК стала ее коммерческая составляющая. В распоряжении каждой ДТК находились предприятия, деятельность которых приносила доход. К примеру, в один из весенних месяцев 1925 г. механи-

ческий ипподром (тотализатор), располагавшийся в доме № 31 по проспекту Революции, пополнил бюджет ГубДТК на 4 тыс. руб. [5, л. 2 об.]. При городских кинотеатрах устраивали особые лотереи ГубДТК, но они носили в основном сезонный (осенне-зимний) характер, из-за чего заработок от них не был постоянным. От организации концертов артиста государственного оперного театра Зубова и государственного квартета имени Страдивариуса (московский коллектив, игравший на струнных инструментах) с участием балерины Кандауровой в первой половине 1925 г. удалось выручить еще 339 руб. [там же, л. 3].

Организуемым ДТК на местах торговым, учебно-производственным предприятиям, а также при проведении ею массово-развлекательных мероприятий полагались существенные налоговые льготы. Они освобождались от уплаты всех общегосударственных и местных налогов, судебных пошлин, нотариально-го и гербового сбора и т. д. [1, с. 70–71; 9, л. 18].

Другими источниками доходности комиссии служили мероприятия по реализации государственных флагов (чистый доход за первый квартал 1925 г. от этой деятельности составил 8800 руб.), марок, значков и прочей продукции, издаваемой ДТК ВЦИК. В силу перенасыщенности рынка подобными изданиями и развившейся между ними конкуренции зарабатывать на этом год от года становилось все труднее. Однако ГубДТК удалось заключить соглашение с представителями местных кооперативных торговых предприятий о систематическом распространении марок среди покупателей при продаже вина и других спиртных напитков. Договорились также с воронежскими пивными складами, готовыми отчислять в пользу ДТК по 10 коп. с каждого продаваемого ведра пива. Сезонные торговцы-мороженщики согласились ежемесячно выделять по 3 руб. каждый. Кроме того, в мае 1924 г. в распоряжение ГубДТК передали отобранные губрозыском у гражданина Гуревича 3663 руб., незаконно получившего эту сумму от совнаркома [4, л. 101]. Управляющие банками приняли решение о начислении ½ % на каждую активную банковскую операцию в пользу беспризорных [там же, л. 100 об.]. Таким образом, среди источников доходов ДТК выделялись временные и постоянные.

На территории Воронежской губернии уездные ДТК дублировали структуру и функции губернской ДТК, являясь на местах ее копией в миниатюре. Например, источниками дохода Борисоглебской УДТК в 1926 г. послужили лотерея при кинотеатре «Модерн», продажа билетов 1-й вещевой лотереи, организованной центральной ДТК, проведение недели помощи беспризорному ребенку, а также случайные пожертвования. Вырученные средства были направлены на содержание столовой и ночлежки в течение 8 ½ месяцев, где ежедневно кормились 40 человек,

ночевали 10–15 человек; эвакуацию детей к родственникам, выплату единовременных пособий и стипендий [10, л. 137 об.].

Вместе с тем к деятельности Воронежской ДТК регулярно возникали вопросы. Состояние детской беспризорности и подростковой преступности в губернии было удручающим. Одна из причин этого виделась в недостаточной эффективности ДТК. Претензии были открыто высказаны на совещании у губернского прокурора в ноябре 1925 г., где обсуждались причины сложившейся криминогенной обстановки и методы борьбы с ней. Парирова критику в свой адрес, председатель ГубДТК тов. Бурутин утверждал, что Деткомиссия не имеет в своем распоряжении ни ночлежки, ни приемника, она только собирает средства и распределяет их по соответствующим учреждениям. По этой причине ДТК не может быть ответственна за состояние приемника-распределителя, в котором постоянно бьют стекла, из-за чего их приходилось вставлять уже трижды, однако «ребята настолько плохо себя держат, что бежит милиция, справиться обслуживающему персоналу нет никакой возможности... Мы дали приемнику, – продолжал Бурутин, – постельные принадлежности в количестве 80 комплектов, но это приемником не выдается из боязни, что дети все немедленно распродадут» [11, л. 14 об.].

В июне 1927 г. губернская рабоче-крестьянская инспекция представила Президиуму губисполкома доклад, в котором подвергла резкой критике деятельность ведомственных и общественных организаций в области борьбы с детской беспризорностью. Несмотря на их общее внушительное количество, отсутствует единый руководящий центр. Из-за организационной неувязки *борьба с беспризорностью в губернском масштабе сведена к минимуму*: отсутствует как учет беспризорных, так и план борьбы с этим явлением, не развита профилактическая работа, в деятельности по разгрузке детдомов допущены дефекты. «ГубДТК, как междуведомственный орган, призванный к согласованию и объединению деятельности отдельных ведомств и организаций, ведущих работу по борьбе с детской беспризорностью, вследствие пассивности членов комиссии и неправильно взятой линии работы, с основной своей задачей не справилась» [12, л. 27], – констатировали инспекторы.

В 1928 г., в связи с упразднением Воронежской губернии и образованием Центрально-Черноземной области, Воронежская ДТК была ликвидирована.

Появление в 1921 г. ДТК по улучшению жизни детей именно как межведомственного органа было полностью оправданным, поскольку решение масштабных задач силами какого-либо одного ведомства оказалось невозможно. Создание местного аппарата

ДТК являлось, безусловно, сильной стороной этого учреждения. Это позволило быть в курсе всех региональных проблем, вовремя на них реагировать и по возможности оперативно устранять. Более того, ДТК и ее региональные подразделения были единственным в стране государственным органом, занимавшимся исключительно вопросами охраны детства. Своим упорством ее сотрудники пробивали равнодушные чиновников, побуждали их к проявлению инициативы и более ответственному исполнению обязанностей в отношении детей. Воронежская ДТК – во многом универсальное по своим функциям учреждение, чем только не занимавшееся за полтора десятка лет своего существования. В условиях голода 1921 г. и его последствий сумели спасти от вымирания целое поколение детей. В период НЭПа научились зарабатывать, а впоследствии организовали рентабельное производство. Участвовали в жизни детских учреждений, вникая во все детали их организационного устройства и быта воспитанников. С помощью месячников помощи детям привлекали к проблеме внимание общественности и мобилизовывали ее на борьбу с беспризорностью.

В череде многочисленных обязанностей Воронежской ДТК на протяжении 1920-х гг. выделяются, главным образом, изыскание средств для преодоления и искоренения беспризорности, а также оказание материальной помощи детским домам. В решении насущных вопросов ДТК опиралась не только на органы власти, но и на общественные организации.

Несмотря на имевшийся в деятельности ДТК ряд недочетов, трудно переоценить тот вклад, который она внесла в преодоление проблем детской беспризорности и безнадзорности в Воронежской губернии. Во многом не ее вина, что противоречивая политика властей, попеременно меняющая вектор развития страны, не только не подрывала основ беспризорности, но и породила ее с новой силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост. С. С. Виленский [и др.]. – М., 2002. – 628 с.
2. Смирнова Т. М. Дети страны Советов. От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 / Т. М. Смирнова. – М.: СПб., 2015. – 382 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. Р–5207. – Оп. 1. – Д. 27.
4. ГА РФ. – Ф. Р–5207. – Оп. 1. – Д. 191.
5. Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО). – Ф. Р–1419. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. и с предисл. А. Береловича, В. Данилова. – М., 1998. – Т. 1. – 861 с.
7. ГА ВО. – Ф. Р–1. – Оп. 1. – Д. 235.

8. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 598.

9. ГА РФ. – Ф. Р-4042. – Оп. 2. – Д. 356.

10. ГА ВО. – Ф. Р-577. – Оп. 1. – Д. 461.

11. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1279.

12. ГА ВО. – Ф. Р-1419. – Оп. 1. – Д. 4.

Воронежский государственный педагогический университет

Менжулин В. А., аспирант кафедры истории России

E-mail: 10051982@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Menzhulin V. A., Post-graduate Student of the Department of History of Russia*

E-mail: 10051982@mail.ru